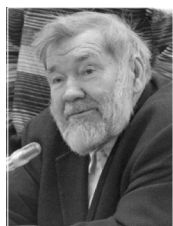

ДАНО ЛИ НАМ ПРЕДУГАДАТЬ, КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЁТСЯ?

В.С. Глаголев

Аннотация. В условиях превращения СМИ в четвёртую власть проблема действенности системы вербальных описаний и образов, их соответствия реалиям общественной жизни приобретает особое философское значение. Анализ лингвистического скептицизма Ф.И. Тютчева, проявленного им в знаменитой формуле «Нам не дано предугадать...», требует научного внимания со стороны философии языка, литературоведения и культурологии. Тем более, что этот скептицизм на сегодняшний день приобрёл большой вес среди теоретиков и практиков, чьи интересы связаны с темами международных отношений и философской компаративистики. Актуальность подхода, чьё возникновение в истории отечественной мысли можно связать с именами поэта и дипломата Ф.И. Тютчева и писателя и участника дипломатической миссии И.А. Гончарова, таким образом, не вызывает сомнений. Обращение к содержательному рассмотрению их идей в контексте биографического, а также историко-сравнительного методов позволяет проследить основные векторы, сформировавшие лингвистический скептицизм в рамках философии культуры – одной из наиболее практически ценных теоретических рамок, позволяющих реализовать насущные задачи дипломатии как специфической профессиональной деятельности в области международных взаимоотношений.

Неисчерпаемость мира слов и стоящих за ним сокровищ теоретических и практически значимых понятий, с их бесконечностью оттенков смысла и возможностей интерпретации, постоянно требует ответа на один и тот же вопрос: в какой мере в этих значениях и смыслах представлено конкретное содержание? Ведь такое содержание является базовой предпосылкой политико-дипломатического целенаправленного и одновременно тем рельефом исходных условий, которые способствуют или препятствуют реализации выдвигаемых целей, соответствующих государственным геополитическим и иным интересам. Анализ опыта субъектов политико-дипломатической деятельности и элементов «возможного», обращение к изучению рефлексии сочетаний этих элементов в конкретных жизненных установках Тютчева и Гончарова представляет собой не только исторический, но и вполне практический и даже прагматический интерес. Так как политика вообще и дипломатия в частности сочетают в себе не только системы научного знания, но и искусство его специфических проявлений.

Новизна настоящей статьи состоит в выявлении и описании феномена лингвистического скептицизма как важного философского принципа, раскрытого в творчестве выдающихся русских мыслителей XIX в.

Ключевые слова: лингвистический агностицизм, лингвистический скептицизм, политическая реальность, дипломатия, философия языка, поэзия и рациональность.

В ситуации, когда информационные процессы вышли на первый план научных дискуссий, а коммуникативистика становится составной частью едва ли не большинства серьёзных социогуманитарных исследований [Симонов, 2017: 7-19; Веденина, 1997: 72; Силантьева, 2017: 48-64], вопрос о том, как точнее интерпретировать вынесенную в заглавие данной статьи мысль Ф.И. Тютчева «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется...» [Тютчев, 2003: 197], становится далеко не праздным. Что, если род человеческий в целом и даже его наиболее проницательные представители культуры (а поэзия – её составная часть) не имеют имплицитной возможности предугадывать (то есть корректно предвидеть) последствия своей вербальной деятельности [Афанасьева, 2017: 87-93]?

Какие основания были у незаурядной творческой личности, которой, несомненно, являлся выдающийся поэт России, высказать столь пессимистическое суждение? В поисках ответа уместно вспомнить, что Ф.И. Тютчев – не только поэт, но и профессионал в сфере дипломатии. Дипломат, и в соответствии с занимаемыми им должностями в Министерстве иностранных дел Российской империи, в широком смысле «умелого посредника».

В последующий период своей жизни по роду новых служебных занятий Тютчев, исполняя обязанности государственного цензора, был вынужден заниматься улаживанием и регулированием отношений между государством и литераторами. При этом он, как и многие представители этого вида деятельности, отнюдь не был тупым и ограниченным службистом, как склонна воображать публика, так или иначе задетая цензурными ограничениями и основаниями их применения в отношениях авторов с будущими читателями.

История российской цензуры имперского времени довела до наших дней множество интереснейших ситуаций, оставшихся в дневниковых записях ревнителей «правильных мыслей» и ограничителей «развращающего влияния печатного станка», на который попада-

ли несбалансированные (с точки зрения государственных интересов) суждения и мысли авторов. Опасения цензоров (в значительной мере неоправданные), боявшихся гнева «высших сфер», определяли успех бесцензурных публикаций в герценовском «Колоколе» и «Полярной звезде». В свою очередь, государство не останавливалось перед репрессивными мерами в отношении цензоров, допустивших небрежность, недальновидность и элементарную оплошность. Достаточно вспомнить наказание издателя первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева и резкий выговор цензору, допустившему его публикацию.

Поэтому с чисто служебной точки зрения у Тютчева, как и у его собрата по цензорскому статусу у писателя И.А. Гончарова, были достаточные основания предугадывать негативные лично для них последствия в случае несоответствия прошедшей фильтр их должностного контроля той или иной публикации. Речь шла о формальных требованиях цензурного Устава общим установкам «государственной пользы», соответственно толкуемым с позиций власти предрежающих государственных интересов России [Гончаров, 1991: 30-49]. Нет никаких сомнений в патриотических позициях обоих названных цензоров [Хозиева, 2002], начальные этапы биографий которых имеют удивительное сходство. А именно, И.А. Гончаров был послан в составе дипломатической миссии Е.В. Путятина (тогда – вице-адмирала) для установления дипломатических отношений, демаркации границ между Россией и Японией, подписания соглашений о торговом сотрудничестве и условиях посещения японских портов российскими судами.

Всё это и произошло в 1855 г. – более чем за десятилетие до революции Мэйдзи, открывшей ряд направлений сотрудничества японского правительства с внешним миром – после подписания Симодского договора. Последний оставил заметный след в российско-японских отношениях и в целом – в «открытии» Японии миру. «Мягкое притяжение» этой страны и по сей день развёртывается в

формате, где «происходит ... замена противоречия на противоположение» и где, говоря словами Киплинга, «...нет Востока, и Запада нет» [Чугров, 2015: 54]. Экспедиция Путятина была в целом удачной, хотя фрегат «Паллада» и был затоплен у берегов Японии.

Путевой дневник И.А. Гончарова, опубликованный после сухопутного возвращения писателя (уже не с экспедицией) через Дальний Восток и Сибирь в столицу Российской империи, свидетельствует о многообразии тех контактов с влиятельными личностями стран, через порты которых пролёг маршрут легендарного фрегата. Ещё более значимым оказался опыт неустанных наблюдений и компаративных аналитических выводов, которые нашли отражение как в дипломатических документах русского посольства, размещавшегося на фрегате [Массон, 2016: 22-28], так и в систематических и живых отчётах секретаря посла, трудолюбиво и неумоимо ведшего свои записи [Гончаров, 1986; Энгельгардт, 2000: 74-82].

Аналогичный путь (но только в странах, открытых для России со времён Ивана III, не говоря уже о Петре I) проделал в ходе своей дипломатической карьеры Ф.И. Тютчев. Как и положено дипломату, он регулярно составлял свои сообщения и информировал о событиях в странах своей аккредитации российское Министерство иностранных дел. При этом дипломатическая служба, как и последующая работа цензором, не убила в поэте неиссякаемую потребность самовыражения в поэтических образах, наполненных жизненными наблюдениями и глубокими философско-мировоззренческими смыслами. Можно сказать, что оба дипломата – поэт и писатель – удачно сочетали в себе навыки трезвого, жёсткого и систематического дипломатического профессионализма со способностями владения живым словом и убедительной демонстрации их в своей литературной деятельности.

Интересно, что, дослужившись в конце жизни до чина придворного камергера, Ф.И. Тютчев проявил незаурядные способности политического публициста

неославянофильского направления. Его статьи по балканской проблеме, оценки политики русского правительства в отношениях с Турцией и странами Западной Европы накануне войны 1877-1878 гг. и после её завершения, а также оценки политики, проводившейся западноевропейскими странами по отношению к России этого периода, отличаются точностью, взвешенностью и прогностической трезвостью. Она оправдалась и в ходе последующих событий, вплоть до начала Первой мировой войны, когда из стран, освобождённых при содействии России, на её стороне оказались лишь Сербия и Черногория [Толстогузов, 2016: 76-84].

Сбалансированность анализа дополняла эмоциональную насыщенность творчества, рождая философское единство осмысленного текста. Такое единство оказалось в равной мере приемлемым и для сухих отчётов, и для публицистики, и для поэзии. Возможно, отсюда же идёт то презрение, которое высказывает один из героев «Обыкновенной истории» И.А. Гончарова – старший из братьев Адуевых, – по отношению к любовным восторгам своего брата, «жёлтеньким цветочкам» легковесной романтики. Таким образом, рационализм и художественная образность сочетаются в творческих лабораториях Тютчева и Гончарова, не вытесняя друг друга и не занимая больше места, чем необходимо для решения очередной задачи, поставленной конкретной ситуацией жизни каждого из них.

Думается, что именно благодаря такой сбалансированности возникла и знаменитая афористическая формула Тютчева «Умом Россию не понять» [Тютчев, 2003: 165]. Он с удивительной, почти «аптекарьской», точностью (и глубиной, которая была свойственна его великому предшественнику А.С. Пушкину) выразил идею многозначности судьбы русского общества, перспектив России как государства и одновременно передал ограниченность всякого рационального моделирования, вплотную подойдя к тем пределам описания её будущих состояний, за которыми система рациональных оснований перестаёт действовать.

«В Россию можно только верить» – во все не означает заносчивое утверждение исключительности её судьбы, якобы превосходящей по своей значительности и влиянию роли других государств мира, известных поэту. Из «судеб мира» никоим образом не исключаются другие участники международной жизни – та же Индия, Китай, Арабский Восток. Да и Америка, в отношении которой царское правительство заняло в период Гражданской войны в США дальновидную и перспективную позицию, которая логично продолжилась отказом от территориальных претензий на Аляску и Алеутские острова. Сохранение их государственного статуса оказалось для России не по силам и средствам в свете тех задач модернизации и освоения Дальнего Востока, которыми занималось правительство царя Александра II.

Даже относительно более близких к территории России регионов одназначная «предугадываемость» была маловероятной. К примеру, водружение православного креста над Стамбульской Софией, которой предполагалось вернуть имя Константинопольской, попутно изменив в благоприятную для России сторону режим пользования Босфором и Дарданеллами. Конечно, это означало выход России на оперативный простор Эгейского и Средиземного морей. Но времена Ф.Ф. Ушакова миновали. Корабли уже не могли штурмовать бастионы, и Галлиполийская трагедия убедительно подтвердила это для России и её союзников в Первой мировой войне.

Двойственность прорицания, его кажущаяся неточность в таком случае проявляют глубину интуиции, состоящей не в отказе от рационального моделирования возможных ситуаций, но в умении гибко и сбалансированно работать с разнообразными моделями, понимая и учитывая ограниченность его возможностей. Для профессионального дипломата разделение прогнозируемых ситуаций и ситуаций, поддающихся прогнозированию с малой долей вероятности реализации прогнозов, благоприятных для государственных интересов собственной страны, является одним из проявлений

профессионализма. Не говоря уже о тех комплексных проблемах, относительно которых определённые прогнозы до известного времени просто невозможны.

За них можно, разумеется, выдавать предписания по моделям, практиковавшимся во время наполеоновских войн австрийским Генеральным штабом и высмеянным Л.Н. Толстым в романе «Война и мир»: первая колонна марширует, вторая колонна марширует, третья колонна марширует... Действительность, однако, стремительно опрокинула череду и порядок абстракции, явив совершенно иной ход событий, нежели предусматривало старательно составленной расписание.

Как поэт, Тютчев знал необъятности возможностей стихии языка, работая с ним по примеру А.С. Пушкина требовательно, вдумчиво и критично. Он знал опасности приблизительного, неточного слова; неудачной грамматической конструкции [Кириенко, 2010: 42-47]. И беспощадно устранял их из окончательного варианта своего текста. Возможно, это помогало ему и в последующих цензорских опытах, которые длительное время проходили параллельно его работе поэта и политического журналиста.

Вместе с тем, он не мог не сознавать символического характера литературной работы, занимающей особое духовное пространство, не тождественное реальной действительности, не совпадающее с ней, но способное время от времени выявлять в реальности новые смыслы и значения. Последняя особенность позволяла относиться к действительности как обладающей свойством пластичности, изменчивости под влиянием духовных усилий. В этом, между прочим, и состоит одна из благородных задач дипломатической работы, позволяющей политикам видеть в привычной им реальности новые возможности и реализовывать их для блага своей страны, её союзников. А при благоприятных условиях, ещё и осуществлять глобальные проекты, способные улучшить стабильность и определять благоприятные возможности для развития человечества в краткосрочных, среднесрочных, иногда – и долгосрочных перспективах.

Однако сами перспективы не являются однозначными. Как любая возможность, они имеют свои *pro et contra*, а сочетание их плюсов и минусов составляют причудливую и непрерывно меняющую свои конфигурации систему предпочтений и ограничений, среди которых политику предстоит выстраивать свою деятельность. Путь его, чтобы быть успешным, не может быть прямолинейным, а должен соответствовать особенностям «рельефа» материальных реалий и тех культурно-духовных ограничений, которые связаны с существованием и функционированием международно-правовых, религиозных, научных, технологических, информационных и других особенностей, сочетание которых и создаёт поле деятельности профессионального политика.

Поэтому, на наш взгляд, в формуле Ф.И. Тютчева «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовётся» нет ни доли лингвистического агностицизма, утверждающего бессилие вербального мира. Как поэт и журналист, Тютчев не мог не знать его возможности. Но он отдавал себе отчёт в том, что мир слова отличается многомерностью и в определённых случаях таинственностью. Его тайны вовсе не опираются на присутствие потустороннего внечеловеческого божественного промысла, хотя как христианин Тютчев не мог не знать и этой стороны духовной стороны жизни верующего человека.

Таинственность слова связана с удачами и промахами черновой работы литератора, когда нужные лексические единицы не идут на язык и перо, не улавливаются, ускользают, оказываются легковесными, подчас неуклюжими, а то и неадекватными той реальности, которую они предназначены выразить. На пути поэта и журналиста не так много мгновений абсолютного торжества. Вроде того, что пережил А.С. Пушкин по окончании «Бориса Годунова», когда в Михайловском глубокой ночью он бил в ладоши и кричал самому себе: «Ай да Пушкин!..»

Как поэт утончённейшей культуры, Тютчев знал о магических возможностях и вместе с тем коварстве слова. Но, в отличие от Пушкина, он не оставил в своих дневниках и переписке свидетельств своих духовных взлётов и поражений.

Возможно, сказалась обрётённая с молодых лет дипломатическая невозмутимость, закрытость для внешнего мира при исполнении государственных обязанностей. При этом он, как известно, был не только влюбчив, но и раскрыл себя как поэт любви – неиссякаемой стихии человеческой жизни. Источника духовных свершений и разочарований, подъёмов и упадка настроения, переживаний трепета и отчаяния бездны, готовой поглотить человеческое существо. Исключительная проработанность в творчестве Тютчева многолетних его любовных состояний почти автобиографична. Хотя, как и положено порядочному человеку, его свидетельства не опускаются до пошлой прозы разоблачений, упрёков и попреков. Он сохраняет планку отношения к любимым женщинам, как к источнику вдохновения.

Поэтический опыт Тютчева в сочетании с опытом практическим позволили ему занять позицию лингвистического скептицизма: он верит в могущество слова, он верит в будущее России. Но он далёк от того, чтобы полагать себя той личностью, которая овладела этим могуществом, той личностью, которая в состоянии однозначно прогнозировать будущее любимой страны. В этой позиции недоговорённости, неготовности утверждать себя в роли последней инстанции – концентрация того богатейшего жизненного опыта, который было дано пережить отечественному дипломату, крупному поэту, страстно и тонко чувствующему человеку, непрерывно работавшему со словом, как с неисчерпаемым океаном возможностей самовыражения человеческих культур, их истории и творческого настоящего, в совокупности определяющих будущее человечества.

Список литературы:

- Афанасьева Н.Д. Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 1. С. 87-93.
- Веденина Л.Г. Теория межкультурной коммуникации и значение слова // Иностранные языки в школе. 1997. № 3. С. 72.
- Гончаров И.А. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в 2-х тт. Л.: Наука, 1986. 879 с.
- Гончаров И.А. Цензорские отзывы / Вступ. ст. и публ. В.А. Котельникова // Русская литература. 1991. № 2. С. 30-49.
- Кириенко Н.Г. Поэзия Ф.И. Тютчева и философия немецкого романтизма // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8. С. 42-47.
- Массон В.В. Путешествие как рефлексия о путешествии («Фрегат "Паллада"» И.А. Гончарова) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 2 (24). С. 22-28.
- Силантьева М.В. Интенция другого как основа коммуникативного акта // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. М.: МГИМО, 2017. С. 48-64.
- Симонов Ю.П. Сейчас наступает век философии // Концепт: философия, религия, культура. 2017. № 2. С. 7-19.
- Толстогузов П.Н. Политическая лирика Тютчева как бесспорное наследие // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2016. № 2 (23). С. 76-84.
- Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т. 2. / Сост. В.Н. Касаткина. М.: Классика, 2003. 640 с.
- Хозиева С. Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. М.: Рипол Классик, 2002. 573 с.
- Чугров С.В. Мягкое притяжение Японии // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 53-67.
- Энгельгардт Б.М. «Кают-компания фрегата "Паллада"»: (Из первой редакции монографии Б.М. Энгельгардта. Глава III) // И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 74-82.

Об авторе:

Глаголев Владимир Сергеевич – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, 76. Научная специализация: философия религии, религиоведение, философия культуры, культурология. E-mail: kfmgimo@gmail.com.

ARE WE GIVEN TO PREDICT HOW OUR WORD WOULD COME BACK?

Vladimir S. Glagolev

Abstracts. *In the conditions of the media turning into the fourth power, the problem of the effectiveness of the system of verbal descriptions and images, their correspondence to the realities of public life acquires a particular philosophical significance. Analysis of Tyutchev's linguistic skepticism he showed in the famous formula "We are not given to predict ...", requires scientific attention from the philosophy of language, literature and cultural studies. Moreover, this skepticism today has gained a lot of weight among theorists and practitioners, whose interests are connected with the topic of international relations and philosophical comparative studies. The relevance of the approach, whose appearance in the history of national thought can be associated with the names of the poet and diplomat F.I. Tyutchev and writer and member of the diplomatic mission I.A. Goncharova, thus no doubt. An appeal to a meaningful consideration of their ideas in the context of biographical, as*

well as historical and comparative methods allows us to trace the main vectors that formed linguistic skepticism within the framework of the philosophy of culture - one of the most valuable theoretical frameworks that allow realizing the urgent tasks of diplomacy as a specific professional activity in the field of international interaction.

The inexhaustibility of the world of words and the world of theoretical and practically significant concepts behind it, with their infinity of shades of meaning and possibilities of its interpretation, constantly requires an answer to the same question: to what extent is the specific content presented in these meanings and narratives? After all, such content is the basic prerequisite of political and diplomatic goal setting and at the same time the relief of the initial conditions that contribute to or impede the realization of the set goals that correspond to state geopolitical and other interests. Since politics in general and diplomacy in particular combine not only the systems of scientific knowledge, but also art in its specific manifestations, analysis of the experience of subjects of political and diplomatic activity and elements of the "possible", turning to the study of the reflection of combinations of these elements in specific life settings of Tyutchev and Goncharov represents not only historical, but also quite practical and even pragmatic interest. Thus, the novelty of the presented article consists in revealing and describing the phenomenon of linguistic skepticism as an important philosophical principle, revealed in the work of outstanding nineteenth-century Russian thinkers who were in the public service.

Key words: Linguistic agnosticism, linguistic skepticism, political reality, diplomacy, philosophy of language, poetry and rationality.

References:

Afanasieva N.D. Kak serdtsu vyskazat' sebja? Drugomu kak poniat' tebia? [How can a heart be braced in words? Another fathom what is yours?]. *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture*, 2017, no. 1, pp. 87-93 (In Russian).

Vedenina L.G. Teoriia mezhkul'turnoi kommunikatsii i znachenie slova [The theory of intercultural communication and the meaning of the word]. *Inostrannye iazyki v shkole - Foreign languages at school*, 1997, no. 3, P. 72 (In Russian).

Goncharov I.A. *Fregat «Pallada»: Ocherki puteshestviia v 2 tt.* [Frigate "Pallas": Essays on a trip in 2 vols.]. Leningrad, Science, 1986. 879 p. (In Russian).

Goncharov I.A. Tsenzorskie otzyvy [Censor reviews] / Introductory Article and publication by V.A. Kotelnikov. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1991, no. 2, pp. 30-49 (In Russian).

Kirienko N.G. Poëziia F.I. Tiutcheva i filosofii nemetskogo romantizma [F.I. Tyutchev's poetry and the philosophy of German romanticism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta - Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2010, no. 8, pp. 42-47 (In Russian).

Masson V.V. Puteshestvie kak refleksii o puteshestvii («Fregat "Pallada"» I.A. Goncharova) [The journey as a reflection of the journey («Frigate "Pallas"» by I.A. Goncharov)]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia - Science about Man: Humanitarian Studies*, 2016, no. 2 (24), pp. 22-28 (In Russian).

Silantieva M.V. Intentsiia drugogo kak osnova kommunikativnogo akta [The intention of the other as the basis of the communicative act]. *Lingvostranovedenie: metody analiza, tekhnologiiia obucheniia* [Linguistic and Area Studies: methods of analysis, technology of training]. Moscow, MGIMO, 2017. pp. 48-64 (In Russian).

Simonov Yu.P. Seichas nastupaet vek filosofii [The age of philosophy is coming]. *Kontsept: filosofii, religii, kul'tura - Concept: philosophy, religion, culture*, 2017, no. 2, pp. 7-19 (In Russian).

Tolstoguzov P.N. Politicheskaiia lirika Tiutcheva kak besspornoie nasledie [Tyutchev's political poetry as an indisputable legacy]. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Aleikhema - Bulletin of the Sholem Aleichem Amur State University*, 2016, no. 2 (23), pp. 76-84 (In Russian).

Tyutchev F.I. *Polnoe sobranie sochineniï. Pis'ma. V 6 t. T. 2* [Full collection of writings. Letters in 6 volumes. Vol. 2] / Ed. by V.N. Kasatkin. Moscow, Classic, 2003. 640 p. (In Russian).

Khozieva S. *Russkie pisateli i poëty. Kratkii biograficheskii slovar'* [Russian writers and poets. A brief biographical dictionary]. Moscow, Ripol Classic, 2002. 573 p. (In Russian).

Chugrov S.V. Miagkoe pritiazhenie Iaponii [Japan's soft pull]. *Polis. Politicheskie issledovaniia - Polis. Political studies*, 2015, no. 6, pp. 53-67 (In Russian).

Engelhardt B.M. «Kaiut-kompaniia fregata "Pallada"»: (Iz pervoi redaktsii monografii B.M. Engel'gardta. Glava III) [«Cabin-company of the frigate "Pallas"»: (From the first edition of the monograph by B.M. Engelhardt. Chapter III)]. *I.A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia* [I.A. Goncharov. New materials and research] / Ed. T.A. Ornatskaia. Moscow, Russian Academy of Science: Institute of World Literature named after A.M. Gorky, Heritage, 2000. pp. 74-82 (In Russian).

About the Author:

Vladimir S. Glagolev – Doctor of Science (Philosophy), Professor of Philosophy Chair of MGIMO-University under the Ministry of Foreign Affairs of Russia. E-mail: kfmngimo@gmail.com.